DK
114
.75
Гре.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
308
54

ПОМЕЩИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО В XVI—XVII В.В. В НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Б. Д. ГРЕКОВ

Вопрос о том, как хозяйничал помещик в XVI—XVII в.в., интересный сам по себе, приобрел особую важность с тех пор, как в нашей ученой литературе выставлено было положение о том, что поместье по идее и практике было приспособлено «к натуральному хозяйству и к экстенсивной, хищнической, залежной системе земледелия», и это хищническое хозяйничанье помещиков привело Московское государство второй половины XVI века к экономическому разорению.[1]

Предлагаемая статья не претендует на решение вопроса во всем его объеме, но ставит своей целью указать на имеющийся в нашем распоряжении некоторый материал, вообще, по этому вопросу очень скудный, и дать попытку его обработки. Хотя этот материал касается не государственного помещика, а архиерейского, тем не менее сходство основных признаков в положении поместий обоих названных типов вполне допускает пользование им и в указанном смысле.

Речь идет о помещиках Новгородского Софийского Дома. Это в большинстве случаев мелкие, иногда средние помещики, владения коих колеблются от 2 до 20½ обеж. Всех их в количестве около 300 человек в начале XVIII в. Петр поверстал в драгунскую службу. И до Петра это были настоящие служилые люди, служившие государеву и софийскую службу.[2]

Подавляющее большинство их поместий расположено в районе Обонежской пятины.

Есть основание утверждать, что софийские помещики переживали те же хозяйственные моменты, что и их сюзерен.[3] Замечание это относится прежде всего к вопросу о возникновении собственной барской пашни и связанных с ним—заинтересованности в рабочих руках, применении барщины и т. п. явлениям. Стоит хотя бы указать на существенное изменение в формуляре

---

[1] Н. А. Рожков, Русская история в сравн.-истор. осв., т. IV, ч. I, стр. 51.

[3] Подробнее о них в моей книге. «Новгородский дом св. Софии». Глава IX. Здесь многое подлежит переработке.

[3] О хозяйстве Соф. Дома см. мою работу «Очерки по истории хоз. Нов. Соф. Дома». Летопись Зан. Арх. Ком. Вып. 33 и 34.

жалованных поместных грамот. В старой формуле нет упоминания о необходимости крестьянину пахать на своего помещика пашню. Обращение к крестьянам там звучит так: «И вы б, крестьяне Дому св. Софеи и наших тех деревень, давали б есте ему (помещику) дань, хлеб и деньги, и все пошлины по старине. А он вас судит и ведает в всем».[1] Формула эта уже в 1559 году, я думаю, была анахронизмом и требовала реформы. В грамоте 1571 года и последующих эта клаузула приобретает иной вид: «И вы б... (помещика) чтили и слушали во всем, и пашню на него пахали и оброк ему всякой платили, чем он вас изоброчит».[2] Конечно, не может быть точного хронологического совпадения между переменой в формуляре документа и изменениями в самой жизни, но совершенно ясно, что случайной эту перемену, как в отношении пашни, так и расширения прав помещика на обложение своих крестьян, считать невозможно. Если от жалованных грамот мы обратимся к писцовой книге, то должны будем отметить, что книга 1566 г. писца Андрея Лихачева уже прекрасно знает помещичью барскую пашню. «Дер. в Вардомли... Во дворе архиепископль помещик Тимофей Ив. с. Саблин пашет на себя...»[3] «Починок... выставлен из деревни из Ругоевской. Во дв. человек Гневашев (помещика) Фролко. Пашет на Гневаша...[4] и т. д.

Примеры эти можно значительно умножить.

При этих условиях крестьянская барщина—явление вполне нормальное. В 1592 г. крестьяне помещика Томила Тяполкова на него «всякое дворовое дело делают и пашню пашут».[5] Помещик старается жить в деревне. Это можно наблюдать как в писцовых книгах государственного письма 1566, 1581—2 г.г.,[6] так и в книге Софийского писца 1592 г. по отношению помещиков государственных и софийских безразлично. При чем заметны факты заведения новых помещичьих усадеб на починках.[7] Нельзя забывать, что писцовые книги не имеют специальной цели изображать нам детали в помещичьем и всяком другом хозяйстве. Несмотря на это, мы все же не можем не заметить в них значительного оживления хозяйственной деятельности помещиков. Момент ликвидации кризиса 70—80 годов XVI века отражен между прочим в писцовой книге старца Левкея 1592 г. Помещики энергично собирают рабочую силу, запахивают не только пашню, но и пустоши, некоторые из них даже устраивают на пустошах свои усадьбы, заводят починки и доводят

[1] Актовые Книги Археографической Комиссии. В дальнейшем сокращенно А. К. А. К. № 63, л. 77 об. Древнейшая из дошедших грамот этого типа относится к 1559 г.

[2] Моск. Древлехр. В дальнейшем М. Д. Кн. по Олонцу № 1, л. 84.

[3] Ibid em, л. 65.

[4] Ibidem, л. 96. Также см. л. 90—91 об., 91 об.—92 и др.

[5] А. К. А. К. № 37, л. 99.

[6] М. Д. Кн. по Олонцу № 1, л. 89 об. 80 и др.

[7] А. К. А. К. № 37, л. 130 и др.

свои запашки до значительных размеров,[1] точное измерение коих по данным писцовых книг невозможно, о чем речь будет ниже. Удивляться этой энергии и ее направлению не приходится, так как и Софийский Дом сам еще более энергично стремился к тем же целям, для чего и послан был старец Левкей на свою специальную работу.[2] В качестве рабочей силы на помещичьей пашне мы встречаем, кроме крестьян, еще и холопов, элемент, которым сам «Дом» в качестве духовного юридического лица пользоваться не имел права. Изредка можно наблюдать и наемного рабочего «казака».[3]

Необходимо отметить, что помещик, по вполне понятным соображениям, обращал свой хозяйский глаз не столько на жилую, официально зарегистрированную пашню, сколько на пустоши. Иногда пустое обрабатывалось в отношении к жилому, как 15 : 1. «Пустое»—это защитная форма, в которую облекалась пашня во избежание платежей в казну. Вот, напр., поместье Василия Лутохина. У него всего 10 обеж. Живущего только $4^1/_6$ обжи. Остальное—«пустое». На одной из пустошей «пашут на Василия Лутохина», на двух других—«сеяна ярь» на него же, на четвертой «ко 101 году паренина взодрана под рожь» опять на него же. Таким образом, помещик этот сверх официальной пашни разрабатывает еще 56% перелога, не платя за него податей. Перелог здесь—не отказ от трехполья, как думает Н. А. Рожков, а временное несчастье, успешно, однако, в данном случае ликвидируемое. К ликвидации перелога применяются различные технические приемы, но все они являются временными мерами к восстановлению трехполья, от которого принципиально никто и не отказывался.

Интересно отметить одну особенность, присущую софийским поместьям. Здесь не действуют «заповедные годы», конечно, потому, что крестьяне считаются софийскими, и в пределах софийских владений их передвижения не запрещались.

Но власть и софийского помещика над крестьянством все-таки заметно растет. Это видно как из приведенной выше реформы в формуляре жалованных поместных грамот, так и из раздельных грамот. Хотя и с разрешения софийской власти, тем не менее братья свободно делят «живот и хлеб, и людей, и всякой дворовой запас», и крестьян. И дают друг другу обязательства «того живота, и хлеба, и людей, и крестьян, чим их пожаловал батюшко, друг на других... не искати»[4] и т. п. (1609 г.).

За невозможностью дольше останавливаться на характеристике помещичьего хозяйства в XVI веке, вследствие скудости материала и в виду экономии места, ограничиваюсь только

[1] Один из софийских помещиков Фуник Клементьев довел свою пашню до 40 четвертей.

[2] Его задача—поиски свободной земли для софийской пашни. Подробнее см. Лет. зан. Арх. Ком., вып. 34, стр. 119—121.

[3] А. К. А К. № 37, л. 185, 187 об.

[4] А. К. А. К. № 74, л. 139.

высказанными соображениями, из коих считаю возможным заключить, что софийский помещик, подобно Софийскому Дому, в первой половине XVI века уже стал по-новому реагировать и на земельный и на рабочий вопрос, при чем каких-либо заметных хищнических приемов в способах эксплоатации обнаружено мною не было. Равным образом, я не считаю возможным принять и другое мнение Н. А. Рожкова о том, что «одной из характерных особенностей Западного Полесья (в XVI веке) является исключительное господство оброчной системы при крестьянской аренде», что факт этот будто бы ясен и не требует ссылок на источники, «так как пришлось бы перечислить почти все новгородские писцовые книги XVI века». Мне представляется это утверждение не точным уже по одному тому, что XVI век необходимо делить в этом отношении на части, друг на друга непохожие: во всяком случае во второй половине века барщина в помещичьих хозяйствах становится явлением весьма заметным.

Общее разорение «Смуты», конечно, не могло не коснуться в полной мере и софийских помещиков, которые разделяли участь тех областей, где расположены были их поместья. Приблизительно с 20 г.г. XVII века начинается здесь новое строительство, вторая [1] реставрация разрушенного хозяйства, которая шла настолько успешно, что к средине века можно считать этот процесс более или менее законченным. Как раз в это время, в 1653 году, вероятно, в связи с необходимостью пересмотреть состояние софийских помещиков на предмет выяснения их боевой годности, было проделано специальное описание софийских поместий особой комиссией со старцем Афанасием во главе. Так появились «книги софейские вотчины Обонежские пятины письма и дозору Софейскому Дому митрополичих старца Афанасия да сына боярского Василия Никифорова сына Тяполкова». «В них,—продолжаю цитировать книгу,—писаны митрополичьи поместные дѣти боярские и их дѣти и внучата, и племянники имяны, и крестьяна, и бобыли, и крестьянские, и бобыльские дѣти, и внучата, и племянники имяны ж, и их детей боярских и крестьянской и бобыльской хлеб всякой молоченой и на поле, и насуках стоячей, и живот всякой: лошади, и коровы, и овцы, и всякой скот, и рыбные ловли,—и выводные люди, которые выведены по святительскому указу из дворов ис холопства от детей боярских, крестьяна и крестьянки и бобыли и бобылицы и крестьянские и бобыльские дети, мужской пол и женской». [2] К этому источнику я и обращаюсь для продолжения своих наблюдений.

Здесь описано 58 поместий. Прежде всего бросается в глаза что все помещики за исключением пятерых имеют в деревнях свои «усадища», где и живут. Трое из них—кравчий, стряпчий

[1] Первая после разорения 70 г.г. XVI в.

[2] А. К. А. К. № 56, л.л. 7—7 об. Кн. датирована апрелем 1653 г.

и дьяк—не могли жить в своих поместьях, потому что по смыслу своих обязанностей должны были постоянно находиться в городе. Один помещик не жил в своем поместьи по неизвестной мне причине, и пятый жил в городе, потому что его поместье находилось в 3—4 верстах от города, и сношения со своим поместьем он вел из города непосредственно: его крестьяне на Пасху и в Петров день «носили» ему в город куличи, сыры и яйца, являлись к нему на городской двор рубить дрова и делать всякую дворовую починку, помогали ему варить пиво и курить вино, свозили сплавной лес с берега во двор и т. п. Одним словом, помещик этот, живя в городе, не терял самой тесной связи с поместьем. [1] Итак, только невозможность жить в поместьи отвлекает помещика от усадьбы и хозяйства.

Теперь попробуем всмотреться в усадьбу софийского помещика. Беру для образчика усадьбу позаметнее, так как явления хозяйственной жизни, как и всякой другой, здесь бросаются в глаза ярче. Вот поместье софийского майордома Федора Филипьева сына Скрыпицына. Оно состоит из двух частей: одна лежит в Михайловском Тервинском погосте, т.-е. отстоит от Новгорода на расстоянии около 300 верст, другая—в Спасском Паозерском погосте, от города верстах в 3—4 не больше. В первой в Хмелеозерской волости за дворецким числилось 4 живущих деревни и 24 пустоши, во второй—деревня и пустошь. В каждой из частей своего поместья Федор Скрыпицын по необходимости должен вести хозяйство по-разному. В подгородной деревне он может бывать чуть ли не каждый день сам, между тем как попадать в свое Тервинское поместье, вследствие своих служебных обязанностей, едва ли ему удавалось и раз в год.

В Михайловском Тервинском погосте у него свое усадище, в котором он когда-то жил сам, а сейчас сидит его представитель—приказчик. [2] В помещичьем дворе живут «старинные крепостные люди», т.-е. холопы Скрыпицына, и на первом месте среди них—приказчик. О жене его книга не говорит ничего, точно так же, как и о дочерях, потому что женщин вообще книга называет только в исключительных случаях. Зато перечисляет его сыновей, которых у него четыре, в 20, 18, 6 и 1 год. Старший сын Трофимка уже женился, и у него уже есть сын в 1½ года. Приказчик здесь представляет самого помещика, является и хозяином и администратором. Кроме приказчика, в помещичьем дворе живут еще старинные крепостные люди: Васька Ульянов 60 лет с двумя сыновьями в 25 и 2 года, Аксейко Томилин в 25 лет с двумя братьями в 20 и в 7 лет. У Ульянова живота—корова дойная да бык, а у Томилиных—корова дойная без быка. Вот и все их имущество. Это даже не рабочий инвентарь, а

[1] Акты Новгор. Соф. Дома. В дальнейшем сокращенно А. Н. С. Д., т. IV, № 267. А. К. А. К. № 74, л. 266, № 56, лл. 316–316 об.

[2] А. К. И.—А. К., № 56, л. 156.

продовольствие. Приказчик не имеет и коровы, потому что он пользовался продуктами питания от всего помещичьего хозяйства, которое, впрочем, кормило и других холопов, здесь живущих. Рабочий инвентарь и домашний скот в усадище имелись в достаточном количестве для этого. «Да у него же дворецкого Федора Филипьева сына Скрыпицына живота: 8 лошадей тяглых 3 да жеребя, 10 коров дойных, двое телят, 4 овцы, 5 свиней». К весне, когда приезжал в усадьбу старец Афанасий, [1] запас хлеба сохранился изрядный: «ржи 100 чети, овса 80 чети, жита 10 чети». Собственная помещичья запашка выражалась обычным термином «в поли сеется ржи 2 чети, а в дву по тому ж, [2] сена ставитца 150 копен». Вот, собственно говоря, и все далеко не полные официальные свидетельства нашего источника о барской усадьбе и о барской запашке.

Рядом с двором помещика в той же деревне стояло два крестьянских двора. У крестьян свое хозяйство. У каждого свой инвентарь, свое поле, луг и все прочее, о чем обычно молчат писцы, и что тем не менее всегда имеется в дополнение к самому главному, т.-е. к пашне и лугу. В общей сложности у этих крестьян 2 лошади, 4 коровы, 3 нетели, овца и 3 свиньи. Запашка по сравнению с помещичьей очень невелика, «полосмины» на две крестьянские семьи, на два двора, т.-е. в 8 раз меньше, чем у помещика, а для каждого двора—в 16 раз меньше, чем у помещика. Крестьяне, которые сидят в соседних деревнях, пашут или столько же, или несколько больше. В деревне на Гадобрусе озере Ермолкино, что был починок,—один крестьянский двор, засев—¼ четверти в поле. Так как в этом дворе живут, собственно говоря, две семьи, которые могли бы смело расселиться в два двора, то на семью приходится по ⅛ четверти, ровно столько же, сколько и у крестьян, живущих в деревне рядом с помещичьим двором. В следующей деревне—3 крестьянских двора. Сеют все три—1 четверть. В деревне на том же Хмеле озере два двора—сеют ¼ четверти. [3] Пашня больше, чем незначительная, а между тем у всех крестьян лошади, по нескольку коров, овец, свиней. У каждого есть хлеб разных видов и в довольно значительных количествах. Один из крестьян последней из приведенных нами деревень—прямо богатый крестьянин: у него 4 лошади с жеребенком, 3 коровы, 2 нетели, бык, 7 телят, 4 овцы, 4 свиньи. Ржи у него в апреле месяце застал старец Афанасий 20 четей, ячменя 10 четей и овса 15 четей. Сосед этого крестьянина только чуть-чуть победнее.

Здесь есть, над чем задуматься. Как могло получиться, что у помещика при официальной запашке в 2 четв., т.-е. от 2 до 4 десятин в двух полях, оказалось к весне хлеба 190

[1] Уже работающая.
[2] А. К. А. К., л. 156, об.—157.
[3] Ibidem., лл. 157 об.—160.

четвертей? Если урожай считать сам 4 или сам 5, то с 4 четвертей пашни в двух полях, т.-е. озимого и ярового хлеба у нашего помещика могло получиться около 16 или 20 четвертей. Откуда же эти 190 ч., к которым нужно прибавить еще некоторое количество съеденного или проданного за зиму хлеба?.

То же недоумение вызывают и указанные официальные пространства крестьянской пашни. Вместо трупов людей, умерших с голоду, что совершенно неизбежно должно было бы быть при столь незначительной пашне, мы застаем в деревнях здоровых крестьян и у них еще значительный запас хлеба. Как этот запас образовался? Это одна загадка. А вторая—для каких целей сбережены эти запасы до весны.

Попробуем для решения этих неизбежных вопросов подыскать еще материал.

Вот поместье в Пречистенском Вымоченицком погосте Ивана Саблина. Запашка—1 четв., имеются холопы, и богатые крестьяне при таких же скромных размерах официальной пашни. На этом примере можно кое-что подметить для разгадки поставленных вопросов. Здесь, кроме официальной пашни, указывается еще пашня «на суках» не только крестьянская, но и помещичья. Крестьяне сами пашут на суках и в виде барщины суки секут на помещика, т.-е. подготовляют помещичью пашню на суках. Вот еще пример. Поместье дьяка Андрея Черного в Никольском Городищском погосте. Поместье большое и доходное, но в живущем числится только одна деревня, в которой живущих крестьянских—8 дворов. [1] Население живет богато, засевает в поле ржи 21½ четв. Дальше читаем: «а пустошам Новинки и Дуняковы и пустоши, что на речке на Пшоужке, в том же сени им (крестьянам) доля. А что на пустошах сена ставитца, и то сено в книги не писано». [2] Оказывается, не только пашня на пустошах в книге не пишется, но и сено. Следует ближе всмотреться в эти пустоши: «Пустошь, что была деревня Дуняково,—4 обжи. Пашню пашут. Пустошь, что была деревня на речке на Пшоужке,—½ обжи. А в ней пашни нет. Сено косят. Пустошь, что была деревня Новинка. Обжа. Пашню пашут. А те пустоши пашут и сено косят оне ж, крестьяна». [3] В состав их крестьянской живущей пашни эта пашня на пустошах не входит. Это совершенно очевидно, так как всего за Андреем Черным числится 11½ обеж, между тем как крестьяне официально пашут только 6 обеж. Остается 5½ обеж пустых, которые совершенно точно складываются из обежного числа наших пустошей. Теперь мы знаем, откуда у помещиков и у их крестьян много в закромах хлеба: если бы они ограничивались официальной живущей пашней, о запасах не могло бы быть речи.

[1] А. К. А. К., № 56, л. 296.
[2] Ibidem, л. 301.
[3] Ibidem, л. 301, об.—302.

Работают на помещика холопы и крестьяне на барщине. В последнем случае их барщинные обязанности выражались в том, что они работали «четвертый день». После этих справок мы теперь хорошо понимаем, откуда у дворецкого собрано столь значительное количество хлеба, и после обозрения его удаленных от города владений можем заглянуть в его подгородное поместье.

Здесь за дворецким значатся—одно село Милославское и пустошь Дубровка. В деревне 5 живущих дворов. Крестьяне очень зажиточные: в среднем на каждый двор приходится по 4 лошади, по 8,4 коров, по 5,4 овец, 7,6 свиней (быков и телят не считаю).

Самый богатый из крестьян—Харитонко Афонасьев. Ему 90 лет. У него три сына в 40, 35 и 25 лет. Старший сын женат, и у него 4 сына в 10, 6, 4 и 1½ года. Семья большая. Живут хорошо: у них 6 лошадей тяглых, трое жеребят, 5 коров дойных, 3 нетели, 4 быка, 5 телят, 9 овец, 10 свиней. Ржи в запасе 40 четей, овса—35, жита (ячмень)—6, гороху—¾ и семени конопляного—¼ чети.[1] Можно с полным основанием сказать—изобилие и разнообразие плодов земных. А, между тем, перечень этот далеко не полон, потому что старец Афанасий совсем не вписывал в книгу, например, домашней птицы, льна, может быть, и еще чего-нибудь.

Мы имеем перед собой, следовательно, минимум того, что видел старец Афанасий во дворах крестьянских и помещичьих. Официальная запашка у этих крестьян тоже значительная: у них у всех «сеется в поле ржи 13 чети, а в дву по тому ж»;[2] т.-е. на каждый крестьянский двор в среднем приходится по 2,6 чети; каждый крестьянин пашет здесь больше, чем вся помещичья официальная пашня в Тервинском поместьи дворецкого. Здесь около города земля имела иную ценность, при сравнительной густоте пригородного населения пустоты большой быть не могло, и официальная пашня, если не совпадала полностью с фактической пашней, то во всяком случае к ней значительно приближалась. И тут была одна «пустошь», которую дворецкий сдавал в аренду не своим, а другим софийским крестьянам.[3] Собственные его крестьяне давали ему оброк—9 четв. с осьминою ржи, жита и овса по 4¾ четв. и 3 сажени дров. С тех крестьян, которые, кроме сельского хозяйства, занимались и рыбными промыслами на озере Ильмене, дворецкий получал по 10 алтын с человека. Единственное сделье, которое им приходилось все-таки делать на своего помещика, это два дня в год они косили на него сено. Старец Афанасий случайно указал и на государственные повинности этих крестьян: «Да оне ж, крестьяна, емские деньги и в городовую

[1] А. К. А. К., л. 160, об.—161.
[2] Ibidem, л. 163.
[3] Ibidem, л. 163 об.

поделку, и в мостовщину, и в государевы подъемы платят в Великий Новгород с святительскими Паозерскими крестьяны вместе по вытному числу»? [1]

Не Тервинское, а Паозерское поместье своим хлебом кормило своего помещика. Привозить хлеб за 300 верст на двор Федору Скрыпицыну из Тервинич не имело никакого смысла, если у него под самым городом был вполне достаточный источник, способный питать как его самого с семьей, так и его слуг.

Следовательно, назначение Тервинского хлеба было иное. К этому сюжету я предполагаю вернуться, а сейчас считаю не лишним отметить еще одно немаловажное явление.

Эти богатые крестьяне, очевидно, чувствовали за своей спиной большую защиту в лице дворецкого, потому что вели себя по отношению к старцу Афанасию и его помощнику просто дерзко, и мы не можем не прочесть между строк в дозорной книге старца Афанасия скрытого намерения сделать известным это неблаговидное поведение крестьян. Дозорщикам хотелось, а может быть, и нужно было знать, со скольких вытей крестьяне деревни Милославского платили государевы подати. Ни один крестьянин им этого не сказал. Пришлось обращаться к посторонним людям, и старец Афанасий не без некоторого морального удовлетворения записывает им в отместку: «а про вытное число спрашивали у крестьян деревни Милославского, и оне нам вытного числа не сказали; а сказал нам Ковлицкой крестьянин Иван Афанасьев про ту деревню Милославское и про пустошь Дуброву, сколько в них вытного числа: слышал-де я у стариков, что-де та деревня Милославское полтретьи выти, а пустошь Дуброва выть. А у нас с собою дозорных и писцовых книг нет, сыскать не по чему». Последняя оговорка едва ли убедительна, но поведение крестьян знаменательно. Весьма вероятно, что дворецкий в данном случае подражал новгородскому владыке, который тоже служил софийским крестьянам защитой, благодаря чему, может быть, и получалось столь заметное расхождение между официальной и фактической их запашкой.

Что касается назначения хлебного запаса у помещиков и их крестьян, то, кроме заботы о завтрашнем дне на случай неурожая, более простого и естественного объяснения, чем хлебная торговля, я не нахожу. Нам хорошо известно, что олонецкие софийские крестьяне торговали разными товарами и, между прочим, хлебом, при чем возили свои товары и в Швецию. [2] Случайно старец Афанасий указал, что и софийские

[1] Ibidem, л. 263—263 об.

[2] Зерцалов, О неправдах и непригодных речах. Чтения М. О. И. и Др. Р. 1896, кн. I, стр. 25—28: «Роспись митрополичьим торговым людям из Заонежья, с Олонца, и с Сермаксы, которые ездят торговать в Стекольно, и в Колывань, и в Орешок».

помещики торгуют хлебом. Один из них пользовался крестьянскими лошадьми, чтобы посылать на Олонец продажный хлеб. [1] Другие помещики либо отвозили хлеб на своих лошадях, почему и не дали повода дозорщику отметить факт торговли, либо, что весьма вероятно, хлеб сплавлялся по рекам, и этим последним обстоятельством объясняется скопление хлеба именно к весне перед вскрытием рек. Что хлеба здесь было много, и его могло оставаться на продажу, видно не только из успешности местного сельского хозяйства в середине XVII века, но и из позднейших известий XVIII века, когда к удивлению правительства обнаружилось, что Олонец не только своим хлебом питается, но и доставляет его в значительном количестве на продажу. [2] Между тем предрассудок о хлебной скудости этого края держится в нашей науке и в настоящее время.

Итак, доверять размерам пашни, показанным в писцовых книгах, нет никаких оснований. Эти цифры весьма относительны и зависят от разных обстоятельств и меньше всего от пространства настоящей подлинной пашни. Наиболее обычная цифра помещичьей официальной пашни—две четверти. Вот показательная табличка для всех 58 поместий:

Размеры официальной пашни в четвертях.	Количество случаев в писцовой книге.
6	2
5	2
4	1
от 3 до $3^1/_2$	7
$^1/_2$	1

Остальные 45 помещиков имеют запашку около двух четвертей. Но, повторяю, эти цифры могут говорить скорее о размерах обложения поместий, чем о масштабе их сельского хозяйства.

До сих пор я рассматривал поместья богатых помещиков. Считаю нелишним показать поместье и победнее. Помещиков, не имеющих холопов,—42,6%. Почти все помещики имеют крестьян и бобылей, но есть такие (правда, их немного), у которых нет ни тех, ни других. К последней категории относится, например, поместье Тимофея Лутохина. По жалованной грамоте 1636 года за ним числились деревня и 7 пустошей, всего $7^{11}/_{24}$ обжи, из них живущего—$2^1/_2$ обжи. Старец Афанасий застал здесь помещичью семью: двое стариков, три сына и две дочери, запашка—1 четь; живота—1 лошадь, корову, 2 нетели, 3 телят, 8 овец да свинью, хлебный запас—ржи 15 четв., овса 3 четв. и жита осьмина. Ни крестьян, ни бобылей, ни холопов. Тимофей Лутохин, кажется, был или большой неудачник, или исключительно неумелый хозяин. Это уже второе его

[1] А. К. А. К., № 56, л. 242 об.
[2] П. С. З., № 11. 489.

поместье. Первое он променял. При его хозяйничаньи у него «сошли» все крестьяне.[1] Во втором поместьи не оказалось тоже ни одного крестьянина. Сам помещик собрался умирать. Жена его, не дожидаясь смерти своего супруга, сочла себя «беспомощной вдовой» и еще при его жизни обратилась с просьбой к владыке Макарию: «Божьими судьбами муж мой Тимофей изнемог и страха ради смертного постригся и ныне лежит конечен». Она просит оставить поместье в их семье и подтверждает, что за Тимофеем было земли в усадищех и в пустошах 7 11/24 обжи, «а крестьян, государь, нет ни одного человека». «А детишек, государь, у него осталось три сына—большой Никифорко 14 лет, а середней Сенька 13 лет, а меньшой Омелька 9 лет, да двое, государь, дочеришек—большая 16 лет, а меньшая 6 лет». «Смилуйся, государь..., пожалуй нас бедных беспомощных сирот своих! Вели, государь, тем поместьем своим... поверстати детишек моих, чтобы... нам бедным и беспомощным сиротам, волочась, в конец не погибнуть»! На обороте этого челобитья положена резолюция: «162 г. марта в 18 д. митрополит пожаловал, велел ей з детьми поместьем владеть и грамота поместная дать, будет она замуж не пойдет. И с того поместья детем ее государева и софейская служба служить и к дочерем в дом с стороны государевых детей боярских не принимать и того поместья в приданые не писать».[2] Сейчас же и выдана была на имя старшего сына Никифора поместная грамота, в которой отмечено с одной стороны отсутствие крестьян и бобылей («и кто в тех деревнях и пустошах учнут жить крестьян и бобылей...»), а с другой стороны подчеркнуто довольно многоречиво, «а с того поместья государева царева и в. к. Алексея Михайловича... службы и софийская служить без ослушанья».[3] Если писали эти грамоты серьезно, в чем сомневаться не приходится, то, значит и нам нужно понимать их серьезно. Если предполагалось возможным служить службу с такого поместья, стало быть там не совсем нищие жили и имели кой-какие ресурсы, чтобы совершать весь земледельческий хозяйственный круг. Труд неизбежно предполагается наемный.

Таких поместий без крестьян, бобылей и холопов всего у старца Афанасия отмечено 5.[4] Отсутствие живущих в поместьи рабочих, конечно, само по себе не есть признак бедности, но чаще это помѣстья все-таки бедные. Впрочем, один из помещиков Колымаев имеет даже очень значительную сравнительно запашку в 5 четвертей. В 1650 году он бил челом митрополиту Никону и просил его освободить его поместье от взноса

[1] А. К. А. К., № 56, л. 72 об. 73, № 74, л. 37.
[2] А. К. А. К., № 74, л. 290. (Приклеенный столбец).
[3] А. К. А. К., № 74, л. 74, 291.
[4] Ibidem, лл. 196—199, 264—267.

пятого снопа в софийскую казну. Челобитье очень интересное, и потому я его приведу почти целиком:... «в прошлом, государь, во 157 году велено... Заболотцкому священнику Мокею... выделять сноповой хлеб из моего поместьишка.... за два годы, за прошлой 156 год да за 157 год, со ржи и яри пятой сноп. А всего, государь, за мною и за сынишком моим поместейца в дачи 1½ обжи пустой земли, а крестьянинца, государь, никакого нет. А написан ис того, государь, поместьишка сынишко мой в мое место с поместными детьми боярскими поочередно служить. Умилостивись, государь... пожалуй меня, холопа своего, для ради Софеи Премудрости Божии, не ослези, государь, моей старости, не вели, государь, ис того моего поместьишка в софейскую казну снопового хлеба имать за прошлой 156 год, чтоб мне, холопу твоему, вконец не обнищать. Великий Государь Святитель, смилуйся»! Просьба была уважена. Еще одна подробность. 10 апреля 1662 года митрополит Новгородский Макарий дал жалованную грамоту двум вдовам—матери и жене Данила Прокофьева сына Колымаева, двум Авдотьям с 4 Даниловыми дочерьми «за ево Данилову кровь и смерть, что он, Данила Колымаев, убит на службе великого государя ц. и в. к. Алексея Михайловича», пожаловал его поместье «деревню на поле на речке на Елошне» на прожиток до их смерти. Обращение к имеющим появиться в поместьи крестьянам говорит нам о том, что их сейчас там нет: «И хто в тое деревни учнут жити крестьян и бобылей...» [1] Итак, мы теперь имеем некоторый ключ к пониманию описания этого поместья в дозорной книге старца Афанасия, книги хотя и более подробной, чем государев дозор, но тем не менее составленной по общепринятым образцам, которые выработали технику особую, свою, вполне достаточную, чтобы под своими условными формами скрыть от глаз современного наблюдателя подлинную жизнь. Это и есть тот «тусклый просвет», о котором говорил в свое время В. О. Ключевский. [2] Мы, следовательно, ясно и отчетливо сейчас знаем, что 1) в поместьи Колымаева давно нет крестьян; 2) хозяйство земледельческое там велось и до дозора старца Афанасия, иначе бы нельзя было и говорить о пятом снопе; 3) хозяйство велось совсем правильно по местному обычаю: настоящее трехпольное хозяйство, которое старец Афанасий условным термином обозначил: «сеется в поли ржи 5 чети, а в дву по тому ж. Сена ставитца... 50 копен»; [3] 4) наконец, помещик с этого поместья нес настоящую государеву службу, где и пал жертвою своего долга.

К этому типу поместий приближаются поместья с ограниченным количеством крестьянского населения. Так помещики

---

[1] Ibidem, л. 307.
[2] В. О. Ключевский. Третий сборник стат., стр. 478. М. 1914 г.
[3] А. К. А. К., № 56, л., 295.

Ананьин и Иван Левской[1] имеют в своих поместьях по одному крестьянину и совсем не имеют холопов. У Левского этот единственный крестьянин даже откупился от всякого сделья, а у Ананьина крестьянин работает «четвертый день». Конечно, и в этом случае совершенно неизбежно допустить наемный труд. Нет ничего невероятного в том, что в других поместьях при наличии крестьян, бобылей и холопов мог практиковаться иногда наем рабочей силы со стороны, но указанные несколько поместий должны были обслуживаться исключительно наемными рабочими. Применение рабочей наемной силы любопытно трактуется в следующем эпизоде: в 80 годах XVII века Дымский монастырь вменял в заслугу своему строителю обработку земли наемным трудом. Благодаря трудолюбию и распорядительности строителя, монастырь оправился от своего бедственного положения. «Теперь есть чего, и у самех нас люди займуют..., а преж сего власти не работали, а он сам за работою ходит с топором, сучья сечет, и пал прятает, и на пожни ходит. Монастырь ожил. Крестьяня не пашут (т.-е. освобождены от барщины): нанимаем... наймитов по шти человек на лето опричь конюха да коровья пастуха, и с ними, наймиты, и сами работаем, а не их крестьянскою силою хлеб добываем».[2] Правда, здесь речь идет о крестьянских бунтовщиках, от которых монастырю хотелось избавиться, но тем не менее факт остается фактом, хотя и относится несколько к более позднему времени, чем работа старца Афанасия.

После этого предварительного ознакомления с типами софийских поместий середины XVII в. перехожу к изучению внутренней их хозяйственной организации и работы.

Так как все изучаемые здесь поместья расположены приблизительно в одном районе Обонежской пятины, то я позволяю себе в дальнейшем изложении касаться софийских поместий вообще, не считаясь с условиями отдельных географических пунктов.

Начинаю с обзора положения поместных крестьян и их хозяйственной роли в софийских поместьях. На 58 поместий приходилось крестьянского населения в общем 687 крестьян и бобылей (мужчин) от 15 лет и выше, ниже 15 лет—494. Всего, следовательно, мужского пола поместных крестьян—1181 человек. 23 человека мужчин было отпущено владыкой Макарием в 1653 году из холопства в крестьяне. Все они поселились во дворах своих родных или же в своих собственных дворах с вполне определенным намерением заняться крестьянской земледельческой работой. Дворов крестьянских и бобыльских во всех софийских поместьях в 1653 году было 317 (из них бобыльских—30). Отсюда легко получить среднее на крестьянский двор мужчин вообще и мужчин-работников, каковыми считались люди, начиная с 15-летнего возраста. На двор вообще

[1] А. К. А. К., № 56, лл. 190—192.
[2] А. Н. С. Д., т. VI, № 259, л. 40.

приходится 3,8 человека, рабочего населения—2,2. Пользуюсь удобным случаем сделать этот совершенно точный подсчет, так как в научном обиходе данных для этой операции вообще очень мало. Писцовые книги со своим условным перечнем населения крестьянских дворов такой возможности не дают, откуда и получилась отмеченная В. О. Ключевским «статистическая неожиданность» в подсчете Н. А. Рожкова: [1] по одному с дробью земледельческому рабочему на крестьянский двор, конечно, не могло быть и в XVI веке, как не было и в XVII-м. Рабочий состав двора был, несомненно, сложнее. Обычно крестьянские семьи редко делятся и, пока жив глава семьи, живут вместе: женатые сыновья вместе с невестками и детьми устраиваются в старом отцовском дворе. Вот, например, в Паозерском погосте в деревне Ковлицах живут «во дворе крестьянин Ивашко Афонасьев в 65 лет, да у него 4 сына: большой сын Петрушка в 30 лет, другой сын Стефанко в 25 лет, третий сын Ивашко в 24 лет, четвертой сын Федорко в 17 лет—Ивановы дети. Да у большего сына Петрушке сын Архипко в 10 лет, да у середнего сына Стефанка сын Гришка в 3 лета... Да у него ж Ивашка на подворье живет в подсуседникех вдова Ксеньица». [2]

Подобными примерами заполнена вся книга.

Обычно невестка приходит в дом своего мужа, но бывает в редких случаях, что и зять принимается в дом своего тестя. Кажется, это бывает тогда, когда родители невесты люди состоятельные. Только один раз пришлось встретить крестьянина, выделившегося от своего отца при жизни этого последнего. В Пиркинском погосте в деревне у Мульевского озера Дорофеевское посиденье от крестьянина Стефанка Семенова 73 лет выделилсяего сын Якушка Стефанов 30 лет, но и он «живет на подворье у отца своего Стефана в розделе». Это значит, что у него свой инвентарь, своя пашня, свой хлеб и пр., т.-е. он ведет свое собственное хозяйство. [3] Старик-отец живет здесь же, и у него во дворе его внуки от другого сына в 12, 8, 5 лет, Кириловы дети. Иногда и после смерти отца братья остаются жить вместе, но это бывает очень редко. Иногда в крестьянских дворах живут посторонние люди, кровно с хозяином двора не связанные,—подсуседники. В этой роли почти всегда мы наблюдаем бобылей; один раз, впрочем, пришлось встретить и крестьянина: «да у него ж Сеньки Омельянова живет в подсуседниках крестьянин Власко Иванов в 22 лета, да сын у него Герасимко годовой». [4] В этом смысле XVI век едва ли отличался от XVII. Правда, в моем распоряжении для XVI века нет такого богатого материала, как для XVII в., но тем не менее при некотором навыке в пользовании

[1] Н. А. Рожков, Сельское хозяйство, стр. 147—152.
[2] А. К. А. К., № 56, л. 312 об.
[3] А. К. А. К., л. 58 об., 59 об.
[4] Ibid., л. 236 об.

писцовыми книгами смело можно распознать и в XVI в. те же явления. Для примера беру несколько выдержек из писцовой книги старца Левкея 1592 г. Вот деревня Морина в Паозерьи: «во дворе Онисимко Федоров с племянники со Флорком да с Лучкой, да у них же во дворе два бобыля непашенные, Степанко да Лашко» [1] (Таких примеров много). Разве не ясно, что мы здесь имеем, только в незаконченном или сокращенном виде, буквально то же самое, что видели и в книге старца Афанасия в 1653 году? То же мы увидим и в государственной писцовой книге как в конце XV в., так и в середине XVI в. «Сельцо Завал: во дв. Еска Ивахнов, зять его Якуш; во дв. Ульянко Оникеев, дети его Ивашко да Никитка...». [2] «Во дворе Степанко Еремеев, во дв. Никитко Олисов да сын его Ондрюшка,... во дв. Петрушка Олексеев да сын Левошка; во дв. Михалка да брат его Малафейко» [3] и т. д. Всюду видна большая семья, едва ли резко изменявшая свой состав на протяжении изучаемых двух веков. В государственных писцовых книгах только нет поводов всегда раскрывать ее подлинную численность. Само собой разумеется, что всякий крестьянин, в том числе и софийский, есть прежде всего земледелец. Но нам хорошо известно, что земледельцы могут быть в различном положении как материальном, так и правовом, что иногда земледельца-хозяина отделяет очень тонкая линия от земледельца-пролетария. И в софийских поместьях мы могли уже наблюдать, как эта грань иногда стиралась, и перед нами обнажался в чистом виде земледелец-батрак. Попробуем начать в наших изысканиях с общих цифр, чтобы потом перейти к деталям. Прежде всего необходимо указать на сравнительную обеспеченность крестьян софийских поместий вообще: все крестьяне, отмеченные старцем Афанасием, имеют свой рабочий инвентарь. Безлошадных крестьян нет ни одного. Всех рабочих лошадей у поместных софийских крестьян и бобылей старец Афанасий описал 541, т.-е. на каждый крестьянский двор приходится 1,7 лошади; дойных коров всех 909, т.-е. на каждый двор приходится по 2,9 коровы. Других домашних животных пока не касаюсь.

Итак, эти общие цифры показывают нам средний масштаб сельского крестьянского хозяйства. Уклонения от этой общей цифры бывают очень значительны в ту и другую стороны по разным погостам, но повторяю, что безлошадных крестьян здесь нет совсем, ни в одном погосте. Многолошадные есть, и в этом отношении на первом месте стоят волости в погостах Спасском Паозерском и Никольском Городищском. В первом два крестьянина из всех 10 описанных старцем Афанасием имеют по 6 лошадей, трое—по 4, только два бобыля имеют по одной

[1] А. К. А. К., № 37, л. 188.
[2] Н. П. К., т. IV, стр. 12.
[3] М. Др. Кн. по Олонцу, № 1, 1566 г. Пиркинский погост.

лошади, один бобыль—две. В Никольском Городищском из 8 крестьян—два шестилошадные, один имеет 5 лошадей, один—3, остальные—по две лошади. За ними в нисходящем порядке следует волость в Петровском погосте на Холыни, где из 9 занесенных в книгу крестьян только один с одной лошадью, остальные все имеют по две или по три. Совершенно естественно, что в прямой зависимости от количества лошадей стоит и пространство распахиваемой земли. Но определить точно размеры запашки, как это показано было выше, нет никакой возможности. К терминам «жилое», «пустое», «пустошь» нужно относиться условно, никакие подсчеты в этом отношении не могут быть точными. Нельзя же серьезно верить, что даже бедный крестьянин ведет хозяйство на $^1/_{16}$ четверти (75 кв. саженей).[1] Совершенно очевидно, что перед нами факт совсем не такого порядка, которым бы можно было пользоваться буквально. Конечно, этот крестьянин припахивал и неофициально, но сколько именно, сказать трудно. Трудно также допустить, чтобы и писец был настолько неопытен в хозяйстве или слеп при исполнении своих обязанностей. Думаю, что здесь сознательно допущенная условность: государство, позволяя вносить в писцовую книгу эту условную незначительную часть всей действительной запашки в качестве той официальной цифры, которой оно предполагает руководствоваться при взимании податей, тем самым признает официально факт хозяйственного неблагополучия данного места, дает ему податную льготу. Дальнейшее увеличение официальных цифр запашки будет свидетельствовать о том, что государство находит необходимым и возможным уменьшить размеры этой льготы, что косвенно может указывать на некоторый хозяйственный успех данного места. Таким образом, мы приходим к положению о невозможности по писцовым книгам определить пространство ни крестьянской, ни помещичьей пашни. О степени хозяйственного достатка тех и других мы можем судить, однако, по другим признакам. В книге старца Афанасия, напр., не указано ни одного крестьянина без рабочего инвентаря, к весне всем крестьянам хватило хлеба, у большинства отмечается даже запас. Меньше чем ½ четверти ржи в запасе ни у кого не было, да и таких, имеющих ½ четверти ржи с прибавлением какого-либо другого хлеба (без этого прибавления не было ни одного крестьянина) в таких же или обычно больших размерах, всего семь человек на всю крестьянскую массу, но происхождение этого минимального запаса в отдельных случаях может быть разное. Вот, например, крестьянин деревни Тарасовщины Пиркинского погоста «Авдейко Артемьев в 30 лет да сын у него Ивашко в полгоды. Да у него же живота: одна лошадь, да корова дойная, да жеребя, 2 свиньи. Ржи осьмина, овса 2 чети».[2]

[1] А. К. А. К., № 65, л. 41 об.
[2] А. К. А. К., № 56, л. 57.

Крестьянин небогатый, у него и хлеба мало осталось к весне. Здесь все ясно. Ну, а вот другой крестьянин деревни Милославской Спасского Паозерского погоста «Федорко Гаврилов в 40 лет. Да у него ж Федорка 4 сына: большой сын Сенька в 18 лет, другой сын Филипко в 17 лет, третий сын Климко в 8 лет, четвертый сын Куземка в 5 лет. Да у него ж живота: 3 лошади тяглых, 3 коровы дойных, да нетель, пятеро телят, 4 овцы, 8 свиней. Да у него же Федорка ржи осьмина, овса 4 чети, жита 3 четверика». [1] Это уже не бедный крестьянин. Незначительный запас его хлеба может быть объяснен тем, что крестьянин лишний хлеб продал. Объяснение тем правдоподобнее, что у крестьян наличность денег—факт несомненный.

Вопрос о степени эксплоатации крестьян помещиком решаюсь ставить только с большими оговорками. По косвенным данным, как-будто, эксплоатация не была чрезмерной. Беглых, по крайней мере, в книге старца Афанасия нет, если не считать за бегство факты, скрытые под несовсем ясным выражением «сшел безвестно». Но и таких случаев старец Афанасий насчитывает очень немного. Из деревни Печенской Наволок Воскресенского Важенского погоста «бобыль Тимофейко Васильев в 30 лет с ума збрел и сшел безвестно. Да осталось у него 2 сына: большой сын Афонька в 7 лет, другой сын Гурейко в 7 лет, Тимофеевы дети». [2] Из деревни Лебедева Пиркинского погоста от крестьянина «сшол без вести» один из его сыновей. [3] Из деревни Филипкова того же погоста от крестьянина «сшел без вести» тоже один сын. [4] Вот и все случаи ухода без вести. Остальные все вышедшие уходят в определенные места, адреса их известны, и мы можем думать, что они вышли открыто, получив отпускную от своего хозяина. Огромное большинство живет на своих участках прочно. Некоторые из ушедших крестьян возвращаются сами на старые свои места. Так, «крестьянин Васька Иванов в 56 лет, да у него 2 сына—большой сын Родионко в 25 лет, другой сын Уварко в 20 лет, Васильевы дети. Пришол вновь. Старинной крестьянин. Бывал тутошной». [5] Общее впечатление от наблюдения над крестьянской массой, что дифференциация в крестьянской среде не успела пойти слишком далеко, тем не менее обедневших крестьян, хотя и в небольшом числе, наблюдать можно. Среди помещичьих софийских крестьян есть группа живущих в помещичьих усадьбах, имеющих повидимому, очень небольшую свою пашню и работающих на помещика. Едва ли нужно доказывать, что это бедные крестьяне, которые самостоятельного хозяйства вести не могли и по необходимости работают у своего помещика. Пример такого именно

[1] А. К. А. К., л. 161, об. 162.
[2] А. К. А. К., № 56, л. 276 об.
[3] Ibidem, л. 34 об.
[4] А. К. А. К., л. 40 об.
[5] Ibidem, л. 80 об.

положения мы имеем в поместьи софийского сына боярского Семена Жданова сына Ананьина.[1] Хозяйство у него среднее. Запашка—5 четвертей. Имеется инвентарь: «4 лошади тяглых, двое жеребят, 3 коровы дойных, 3 телят, 7 овец, 4 свиньи. Да у него ж Семена Ананьина з братом хлеба молоченого и на поле стоячего: ржи 15 чети, жита 3 чети, овса 13 чети, гороху полосьмины». Во дворе живет «человек», Васька Иванов в 30 лет родом Белозерец, живет во дворе «волею своею»... «Да в том же усадищи живут крестьяна». Дальше идет перечень этих крестьян и их животов. Всего здесь 3 крестьянских двора. Взрослого мужского рабочего населения в них, начиная от 15-летнего возраста, 7 человек. Живота у них: лошадей—6, жеребят—1, дойных коров 8, нетелей—2, бычок—1, телят—13, овец—16, свиней—9. Хлеба: ржи—50 четей, овса—29½, ячменя—2, пшеницы, бобов и гороха по четверику. Их собственная запашка не указана, потому что ее, в полном смысле слова, не было совсем. Помещик в своем усадище отвел им «небольшие» участки, которые в писцовую книгу не занесены, следовательно, и подати крестьяне должны платить не пропорционально своей запашке, а по какому-то другому принципу, который выработали они по соглашению со своим помещиком. Участки, отведенные помещиком этим своим крестьянам, служат средством к существованию крестьян, т.-е. имеют значение исключительно потребительное. Это их заработная плата. По-видимому, весь крестьянский труд в этом поместьи так распределен, что крестьянам на себя большого участка и обработать было некогда. Повинности крестьян заключались в следующем: «Да оне ж крестьяна на помещика своего всякое зделье делают: орут и сеют, и назем на поле возят, и сено косят, и дворовую починку делают. А оброку хлебного ни денежного помещику не дают. А участки им помещик дал не большие».[2] Здесь мы имеем почти законченный перечень всех земледельческих работ—пахота, удобрение, посев, сенокос. Не названа только уборка хлеба, но ее нужно подразумевать непременно, так как, если помещик и нанимал специально людей для уборки хлеба, то, надо думать, только в помощь постоянным своим рабочим-крестьянам. В таком же приблизительно положении находится еще один крестьянин Герасимко Иванов, который единственный живет в усадище своего помещика Викулы Иванова сына Розвозова. Запашка у помещика в 2 чети, холопов нет: «Да в том же усадище живет во дворе крестьянин Герасимко Иванов 20 лет, да с ним же живет брат его Федорко в 15 лет.[3] У него нет ничего: ни инвентаря, ни хлебного запаса. Очевидно, он весь на иждивении своего помещика. Перед нами чистой воды батрак. Таких крестьян, живущих у

[1] А. К. А. К., № 74, л. 209 об.
[2] А. К. А. К., № 56, л. 270.
[3] Ibidem, л. 86 об.

своих помещиков в усадьбах и работающих на своего хозяина, среди софийских поместных крестьян очень немного. Кроме приведенных здесь поименно, больше в книге старца Афанасия и нет совсем. Есть крестьяне, живущие в усадищах своих помещиков, но имеющие официально зарегистрированную свою пашню, на помещика дающие лишь часть или продукта, или труда, иногда переводимых на деньги по соглашению с помещиком, т.-е. мы имеем здесь обычных крестьян, только живущих в непосредственной близости к помещичьему двору.

Жизнь в помещичьей усадьбе, однако, не ставила для крестьянина непременного условия делать на своего помещика сделье. Иногда крестьянин, живя в усадьбе, ровно ничего не делал своему помещику, был вполне свободен от всякой работы на него, откупаясь от нее оброком. Так, в усадище помещика Ивана Алексеева сына Левского жил крестьянин Ивашко Иванов, который имел очень большую для крестьянина официальную запашку в 1 четь ржи и ничего своему помещику не делал, так как весь свой труд клал, очевидно, в свое собственное хозяйство. Помещику своему он «оброку» платил «за всякие доходы и за зделье на год 1½ рубли». [1]

Подавляющее большинство крестьян—вполне самостоятельные хозяева, находящиеся в отношении повинностей к своему помещику в самых разнообразных положениях. Чем они занимаются? Не касаясь пока особых занятий, подсказанных условиями каждого данного района, нужно подчеркнуть, что все эти крестьяне—прежде всего земледельцы. Трехполье, известное очень давно, неизменно господствует, хотя рядом с ним живут и другие системы в качестве подсобных к основному трехполью. Озимая рожь, яровые, овес и ячмень—обычные местные хлебные злаки. В некоторых поместьях встречаются пшеница, горох и бобы. Лен и конопля, повидимому, культивируются везде. Это общее впечатление, полученное на основании перечня запасов, которые застал старец Афанасий у помещиков и крестьян. Конечно, здесь многое могло и отсутствовать совершенно случайно, что на самом деле и было. Если тем не менее попробовать подвести итоги этим запасам, имея ввиду всю относительность показанных здесь количеств, все-таки получается нечто, очень приближающееся к действительной жизни. Вот таблица этих цифр в четвертях.

	У помещиков	У крестьян	Всего	%
Рожь	979	3372	4351	50,1
Овес	769⅛	2890¾	3659⅞	41
Ячмень	111⅞	530⅝	642½	7,5
Пшеница	4	14⅛	18⅛	0,3
Горох	1¼	6⅛	7⅜	0,1
Бобы	⅞	1⅛	2	0,024
Конопляное семя	—	1	1	0,012

[1] Ibidem, л.л. 189—191.

Бросается в глаза соответствие процентного отношения разных видов продуктов с состоянием посевов в Новгородской и Олонецкой губерниях в конце XIX века. В этих губерниях посевная площадь различных полевых растений располагалась в следующем порядке: рожь—43%, овес—32,5, ячмень—6,7, горох—1,6, пшеница—0,3, кроме того, в XIX веке сеялась гречиха, и садился картофель. [1] Очевидно, все те условия, которые могли повлиять на количество разного вида хлебов, мало менялись с течением времени; с другой стороны, заметна какая-то внутренняя закономерность в количествах запасов у помещиков и крестьян. Рожь, овес и ячмень не требуют никаких комментариев. На пшенице нужно остановиться. Она на севере вообще является редкостью. Располагая только цифрами запасов пшеницы к весне 1653 года, что не может совпадать с действительным количеством ее посева, я, конечно, не претендую на изображение точной карты ее распространения. Только в пределах, очерченных возможностью, я могу, однако, указать, что старец Афанасий застал ее в восьми волостях из четырнадцати. На первом месте здесь стоит Софийская волость в Петровском Холынском погосте, образцовое поместье софийского стряпчего Меркурия Исакова сына Борзого. Сам помещик высевал пшеницу, и все его крестьяне делали то же самое. В житницах весной оказалось у помещика полторы четверти пшеницы, у крестьян в 9 дворах 9 четвертей. У одного из крестьян было 3 четверти, у одного—совсем не было. У остальных—от ½ до 1½ четвертей. [2] Софийская волость, лежащая еще южнее в Спасском Паозерском погосте, в этом отношении представляет значительно более бедную картину. Помещичьей официальной запашки там совсем не было. Старец Афанасий показал у паозерских крестьян пшеницы очень немного: из 10 дворов только пять имели пшеницу, в общей сложности 1⅜ четверти, [3] т.-е. у всех них меньше, чем у многих холынских крестьян в отдельности. Нужно, впрочем, сказать, что холынские крестьяне во многих отношениях превосходили крестьян других погостов своей хозяйственностью: правда, у них официально не наибольшая запашка, но зато у них отмечены почти все виды полевых растений из культивируемых тогда в этой местности вообще: рожь, овес, ячмень, пшеница, горох, бобы, конопля; у них единственных отмечены ульи со пчелами. В усадище Меркурия Борзого имелась мельница, чего ни в одном поместьи мы не встречали. Одним словом, наличность в этой волости в сравнительно больших размерах пшеницы объясняется не исключительно климатическими и почвенными причинами, а находится в некоторой связи с общим культурно-хозяйственным состоянием населения.

[1] В. П. Семенов, Россия, т. III, стр. 134.
[2] А. К. А. К., № 56, лл. 304—309.
[3] А. К. А. К., лл. 161—163, 312—315.

Еще отмечена наличность пшеницы в следующих погостах: Пиркинском—$1^{7}/_{8}$ четвертей, Никольском Городищском—$1^{3}/_{4}$, Никольском на Кусеге—$1^{5}/_{8}$, Дмитриевском Соцком—½, Егорьевском Кожельском—¼ и в Михайловском Тервинском—¼. [1]

Горох отмечен старцем Афанасием в пяти погостах; и здесь на первом месте необходимо поставить Петровский Холынскиі погост; здесь мы имеем больше чем половину всего гороха, который попал в дозорную книгу. Из всех $7^{3}/_{4}$ на Холынскую волость приходится $4^{1}/_{2}$, затем на Спасский Паозерский погост—$1^{1}/_{8}$, на Никольский Городищский—$^{7}/_{8}$, на Никольский на Сяси на Кусеге—$^{5}/_{8}$ и на Егорьевский Кожельский—¼. [2]

Бобы (фасоль) старец Афанасий встретил среди запасов только в трех волостях—в Петровском Холынском погосте, в Спасском Паозерском и Никольском на Сяси на Кусеге. [3] В первом—¾, во втором и в третьем—по ½ четв. Сеют его и помещики и крестьяне. Наконец, в двух софийских волостях старец Афанасий отметил конопляное семя—в погостах Петровском Холынском и Спасском Паозерском. [4] Обращаю внимание на то, что здесь имеется в виду именно семя конопляное, т.-е. тот продукт, из которого можно приготовить масло, или же который предназначен для посева. Мы не имеем никаких сведений о том, выделывали или не выделывали здесь в середине XVII в. конопляное масло, но зато мы имеем известия о том, что конопля разводится здесь ради доставляемых ее стеблями прядильных волокон, известных под именем пеньки. Отсюда можно заключить, что семя, отмеченное старцем Афанасием, назначалось на посев, тем более, что для выделки масла он оставался у крестьян в слишком малых количествах. И если масло конопляное здесь выделывали, что вполне допустимо, то, вероятно, та часть семени, которая предназначалась на этот предмет, уже была утилизирована ко времени появления здесь старца Афанасия. В Пиркинском погосте в конце XVI в. крестьянки должны были давать помещику в виде оброка «по 5 повесм поскони». [5] А посконь—это мужские растения конопли. Раз посконь требовалась в виде оброка, следовательно, ее специально отделяли от женских особей, т.-е. на коноплю смотрели прежде всего как на прядильный материал. Факт посева конопли на предмет добывания пряжи несомненен. Обычно конопля не входит в севооборот. Она подряд может расти много раз на одном месте, но требует большого удобрения. Лучшим удобрением считается навоз конский и овечий, в чем недостатка,

[1] Ibidem, лл. 39 об., 43 об., 48 об., 82, 83 об., 216, 296 об.—300 об., 262 об., 264 об., 269 об., 169, 239, 279 об., 290 об.

[2] Ibidem, 304—309, 161—163, 312—315, 296 об.—300 об., 262 об., 264 об., 269 об. 279 об.

[3] А. К. А. К., № 56, лл. 304—309, 161—163, 312—315, 262 об., 264 об., 269 об.

[4] Ibidem, лл. 304—309, 161—163, 312—315

[5] А. К. А. К., № 37, л. 115.

как мы видели, не было, особенно если принять во внимание, что коноплянники едва ли были большими. Обычно для них отводились около изб очень скромные земельные участки.

Интересно отметить, что именно в том погосте, относительно которого у нас для конца XVI в. имеются самые точные сведения о наличности конопли, старец Афанасий не встретил «конопляного семени», и это, на мой взгляд, доказывает не отсутствие конопли в Пиркинском погосте 60—70 лет спустя, а неполноту данных в книге старца Афанасия.

Сильный конкурент конопли—лен, повидимому, торжествовал здесь над своим соперником. Имея в виду общее исстари распространение льна, думаю, что и здесь в каждом дворе, в каждом доме, где была женщина, была и льняная пряжа. Возделывание льна лежало главным образом на женщине: «женатые (крестьяне) льну прядут по 10 пасом», [1] —это оброк помещику. В других местах женский труд прямо не называется, но и без этого мы знаем, что пряжей льна занимались преимущественно женщины. Старец Афанасий специально о льне не говорит и называет его только тогда, когда лен входит в состав оброка. А так как оброки необычайно в своем составе разнообразны, очень многие из них частично, а некоторые совсем переведены на деньги, наконец, многие заменены натуральным сдельем, то не удивительно, что мы сравнительно редко встречаем и упоминание льна. Напоминаю, что у старца Афанасия была своя инструкция, которая обязывала его осмотреть не все отрасли хозяйства, а только живой инвентарь и наличный хлеб: «хлеб всякой молоченой и на поле и на суках стоячей и живот всякой: лошади, и коровы, и овцы, и всякой скот и рыбные ловли...». Поэтому не удивительно, что мы не можем у него узнать всего того, что нам сейчас кажется важным.

Во всяком случае, по мере возможности, я перечислил здесь все виды полевых растений, которые были известны софийским крестьянам и помещикам, поскольку назвал их в своей дозорной книге старец Афанасий.

Несколько слов об удобрении почвы в виду того, что в нашей ученой литературе есть попытки говорить о господстве в Новгородской области XV—XVI вв. подсечного огневого хозяйства, земледельческого хозяйства, [2] о переложной «системе», которая якобы в разных местах государства Московского и в том числе и в Новгородской области сменяла временами паровую—зерновую. [3] Ни огневая система, ни переложная удобрения не знают в качестве необходимого условия земледелия. Они даже в принципе его отрицают, являясь в сущности порождением отсутствия удобрения или его недостаточности. Мои

[1] А. К. А. К., № 56. л. 6 об.

[2] А. М. Гневушев, Очерки эк. и соц. жизни сельск. населения Новг. обл.

[3] Н. А. Рожков, Сельское хозяйство.

наблюдения заставляют самый вопрос ставить иначе: где и когда в рассматриваемый период удобрения не было? В 1619 г., т.-е. в самый тяжелый момент, который когда-либо переживала Новгородская область, софийские казначей и дьяк, уведомляя вновь назначенного в Новгород владыку Макария о положении софийского хозяйства, и не скрывают очень скверного его состояния. Они между прочим ему пишут: «а поле не все сеяли, потому что навозу не стало». [1] Следовательно, в представлении людей того времени сложилось твердое убеждение, что без навоза нельзя и сеять. Итак, где сеяли, там предварительно и унавоживали. А между тем такого огромного количества перелога никогда ни до этого ни после этого времени в софийской вотчине не было. Повторяю, перелог здесь несчастье, а не система земледелия. Понятно, что о навозе специально никто и не говорит ни в XVI веке, ни в XVII. Источники касаются вопроса о навозе только тогда, когда унавоживание входило в состав крестьянских оброчных повинностей, или совершенно вскользь, случайно, в роде того упоминания, которым пользовался Н. А. Рожков: в крестьянской порядной 1586 г., [2] написанной скверным языком и напечатанной с дефектами, стоит «...и где навоз возят в полянки». Навоз здесь назван не сам по себе, а в качестве не то определения, не то целого определительного предложения к трудно различаемому вследствие неряшливости языка какому-то определяемому. Поэтому и выводы делать из этого текста опасно. Старец Афанасий по этому предмету выражается гораздо обс.оятельнее. Про одно из софийских поместий, где крестьяне сидели на барщине и выполняли на помещика все полевые работы, он говорит прямо: «...оне ж крестьяна на помещика своего всякое зделье делают: орут, и сеют, и назем на поле возят, и сено косят, и дворовую починку делают». [3] Другими словами—назем возить на поле так же необходимо, как и орать и сеять. Еще раз старец Афанасий назвал нам эту повинность по такому же поводу: «...Да оне ж все крестьяна на помещика своего зделья делают: сено косят неделю, да осенной пашни и дворовой поделки делают 10 дней, назему возят, да суков секут неделю». [4] Относительно других поместий старец не говорит об унавоживании пашен, но только потому, что не было для этого специального повода, а каждому хозяину этой местности и тогда так же, как и теперь, было совершенно ясно, что без удобрения хлеб у него не родится. Навоза было достаточно. Мы уже видели, что на каждый двор в среднем приходилось по 1,7 лошади и по 2,9 дойных коров. Если к этому присчитать еще жеребят, телят, подтелков, нетелей,

[1] А. Н. С. Д. т. I, № 11.
[2] Акты Юридич., № 184.
[3] А. К. А. К., № 56, л. 270.
[4] А. К. А. К., л. 242.

бычков, быков, козлов, овец, ягнят и свиней, то нам станет совсем ясно, что навоза должно было хватать на ту запашку, которую пахали и крестьяне и помещики. Трехполье в этом краю неразрывно связано с вопросом о навозе. И тут мы естественно подходим к новой отрасли сельского хозяйства—скотоводству.

Скотоводство на нашем Севере и до сих пор теснейшим образом связано с земледелием, так как последнее нельзя здесь вести без удобрения. Но, конечно, на скот и тогда не смотрели только как на машину, дающую материал для навоза. И тогда было ясно, что содержание скота окупается не одним навозом.

О скотоводстве в полном смысле слова у нас сведений очень немного, но и из известных нам фактов можно сделать очень определенные выводы. Начнем с лошадей, хотя их обычно к «скоту» и не относят. Всего у помещиков и у крестьян во всех софийских поместьях—699 лошадей, жеребят—216. Жеребята по возрастам не различены; очевидно, под жеребятами разумеется все подрастающее поколение, не успевшее стать лошадьми, т.-е. приблизительно до четырехлетного возраста. При таких условиях едва ли приходилось покупать лошадей на стороне. Относительно рогатого скота у нас материалов больше. Прежде всего, бросается в глаза терминология: теленок, подтелок, нетель, корова дойная, бычок и бык. Язык отражает совершенно реальные отношения. Если находят необходимым так детально различать возрасты животных, следовательно, это для чего-то важно. И старец Афанасий иначе едва ли бы стал трудиться, подробно записывая в книгу телят и подтелков, строго стараясь не спутать их с нетелью или коровой. На эту сторону дела было обращено много внимания, и доказывает это, что рогатый скот занимал в хозяйстве как помещика, так и крестьянина видное место. В этом отношении XVII в. выгодно отличается от XIX-го. У Семенова мы читаем следующий отзыв о состоянии скотоводства в конце XIX в. в Озерном крае: «Скотоводство в Озерной области, по недостатку сенокосных угодий, развито довольно слабо, особенно в крестьянских хозяйствах. На скот население смотрит главным образом, как на производителя необходимого для зернового хозяйства удобрения, и, например, в некоторых местностях Олонецкой губернии, где земледелие плохо или вовсе не ведется, почти вовсе нет и скота». [1] Он указывает даже на некоторую убыль скота между 1882 и 1896 годами и причину этого явления видит в недостатке кормовых средств, усиленной продаже осенью кормов, благодаря хорошим ценам в столице на сено, продаже вынужденной, так как крестьянам необходимы деньги на уплату повинностей и удовлетворение разных своих потребностей. Частновладельческое хозяйство, более обеспеченное

[1] В. П. Семенов, Россия, т. III, стр. 148, 149.

кормами, обладает большим количеством скота, и в конце XIX в. там можно было наблюдать усиленное стремление к более правильному скотоводству. В. П. Семенов, таким образом, приводит ряд причин печальному состоянию скотоводства в конце XIX века в Озерной области.

Если устранить из указанных причин появление большого торгово-промышленного центра, столицы, то умалится и значение необходимости продавать сено, потому что сено в XIX в. шло прежде всего в столицу. Потребность продавать продукты своего производства несомненно была в XVII, но не непременно сено, которое едва ли встарину столь высоко ценилось, как в наши дни. Во всяком случае в изучаемое нами время такой нехватки в сене мы не наблюдаем. Та область, которая нас интересует, в XIX веке на 100 жителей обоего пола имела от 79 до 93 голов крупного и мелкого скота, т.-е. в среднем около 86 голов скота. В середине XVII века в софийских поместьях приходилось на 100 жителей обоих полов и всех возрастов 239 голов мелкого и крупного скота с лошадьми вместе, без лошадей по 214, одних взрослых животных без молодняка и без лошадей 175. При чем я в число жителей включил и тех, чья жизнь протекала еще в пеленках.

Крупный рогатый скот по возрастам распределялся следующим образом:

дойных коров всего у помещиков и крестьян	1126
нетелей	414
телят	696
быков	179
бычков	88
Всего	2503

Помещикам из этого количества принадлежало:

коров	217
нетелей	76
телят	120
бычков	34
быков	7
Всего	464

На каждую помещичью усадьбу приходилось по 9,25, на каждый крестьянский двор—6,4. При чем в помещичью усадьбу я включал и скот (коров) помещичьих холопов, а с крестьянскими дворами складывал вместе и бобыльские дворы. Всякий, кто взглянет на эту таблицу, обратит внимание на некоторую особенность в цифрах: бычков гораздо меньше, чем нетелей, бычков в два с лишком раза больше, чем быков. Ясно, что быки, бычки и телята мужского пола шли на мясо. О рабочих быках мы не слышали ничего, для разведения же скота много быков не требуется, следовательно, излишек или продавался на мясо, или же потреблялся в пищу самим населением. Это, повидимому, и есть та «убоина», с которой очень многие

крестьяне должны были давать своим помещикам в виде оброка часть: «да с убоины мяса по лопатки» или просто «с мяса по лопатки»,—один из самых распространенных ингредиентов крестьянского оброка. Когда убивают крупную скотину, знает вся деревня и сейчас, и тогда, конечно, знала. Были там и люди, которым это дело специально ведать надлежало. Таким образом помещик и получал с убоины свою часть. Некоторые из помещиков или не хотели, или не могли следить за теми, кто и когда будет резать скот, и назначали поэтому определенную сумму, или на каждого крестьянина, или на всех своих крестьян. [1] А это значит, что мясо в крестьянском обиходе не было редкостью. Но главный смысл разведения крупного рогатого скота, конечно, не в мясе, а в молоке и в молочных продуктах вообще. У каждого крестьянина в домашнем обиходе были молочные продукты, потому что без коров мы не видели ни одного крестьянина, почти ни одного бобыля, и многие из холопов тоже имеют коров. Из молочных продуктов неоднократно встречаются сыры и масло. Помещики, не переведшие своих крестьян на чистую барщину или на денежный оброк, все берут в виде натурального оброка масло и сыр. При чем здесь мы имеем очень пеструю картину способов обложения. Платят с луков, с дворов, с коровы, при чем часто сыр и масло берут с разных единиц обложения. Иногда берут только масло без сыра и только один раз—сыр без масла. Наконец, накладывается иногда просто определенное количество продукта, и предоставляется самому населению распределить его между отдельными плательщиками. Масло берется в общем с 21 поместья, масло и сыр вместе—в 18 поместьях; только сыр, как указано выше, брал только один помещик. Невозможно высчитать, сколько масла падало на корову в общем, потому что цифры наши весьма относительны: чем меньше масла, тем больше других продуктов или денег, и наоборот. Во всяком случае, вот образчики взимания сразу всего количества масла и сыров с крестьян. В поместьи стряпчего Меркурия Борзого в Петровском Холынском погосте масла брали со всех крестьян 16 гривенок при наличности у всех крестьян 27 коров. [2] Иван Саблин брал 11 гривенок масла и 8 сыров с крестьян, у которых в общей сложности было 29 коров, [3] а сосед его Иван Бухвостов получал 25 гривенок масла с крестьян, имеющих 29 коров, и еще с двора по сыру. [4] Если же взимается масло с коровы, то обычно берут гривенку или 1½ и реже по две. [5] В общем никакого однообразия мы не можем подметить в этих отношениях. Очевидно, делалось дело на глаз; требования

[1] А. К. А. К., № 56, л. 144 и 218 об.
[2] Ibidem, л. 309 об.
[3] Ibidem, л. 144.
[4] А. К. А. К., л. 150 об.
[5] Ibidem, 51 об.. 108.

исходили от помещика, удовлетворялись в меру возможности. Как мы могли не один раз убеждаться, жизнь вырабатывала среднюю линию для каждого данного места.

Кроме крупного рогатого скота, мы в каждом хозяйстве видим овец и свиней. Всего овец у помещиков и крестьян 2187, у помещиков—490, у крестьян—1697. На каждую помещичью усадьбу приходится 10,2 овцы, на крестьянский и бобыльский двор—6,3. Свиней всего—1168, помещичьих—250, крестьянских и бобыльских—918. На помещичью усадьбу в среднем—5,2, на крестьянский и бобыльский двор—2,9 свиней. У некоторых помещиков в усадьбах мы встречали коз и козлов, но их очень немного. Всего меньше десятка.

Старец Афанасий ничего не сказал нам о домашней птице. Один только раз пришлось ему указать, что стряпчий Меркурий Борзой получал со своих крестьян «великоденщины и петровщины масла 16 гривенок да сто яиц», [1] и этой обмолвкой, дает нам понять, что птица у крестьян водилась.

В XV веке владыка Новгородский получал яйца в виде оброков со своих вотчин, и, надо думать, Софийский Дом их куда-нибудь сбывал. Потом мы почти не видим яиц в качестве оброчной статьи. Владыка их стал сам покупать, когда в них была необходимость. Совершенно очевидно, что старец Афанасий не сообщил нам еще очень многого, что было бы нам важно знать о хозяйстве софийских помещиков и их крестьян. В одном поместьи он, между прочим, указывает на существование там пчеловодства. Это погост Петровский-Холынский, и помещик—нам хорошо уже известный софийский стряпчий Меркурий Исаков сын Борзой. У него у самого в усадище 8 ульев. У некоторых из его крестьян больше: у одного—17, у другого—12. Всего в поместьи 43 улья. Даже один из холопов Меркурия Борзого имел 3 улья. [2]

Население везде, где была к тому возможность, а она была, собственно говоря, везде, занималось рыболовством на собственную потребу. В некоторых софийских волостях, тех именно, которые лежали около больших рыбных рек или озер, население занималось рыбным промыслом не только для собственного потребления, а смотрело на этот промысел, как на один из подсобных. К сожалению, мы не можем точно указать размеры этого вида заработка, но отмечаем вполне определенный факт. Рыбные ловцы и в XVI и в XVII вв. сбывают свой товар рыбным торговцам, или непосредственно потребителю. Сам Софийский Дом неоднократно является покупателем рыбы как врозницу небольшими количествами «на пар и в уху», т.-е. к столу владыки и его гостей и присных, так и большими партиями для засола впрок.

---

[1] Ibidem, л. 310.
[2] Ibidem, № 56, л.л. 305—308.

Рыбным промыслом, как доходной статьей, занимались многие из крестьян Спасской Паозерской софийской волости, и помещики обкладывали таких рыбных ловцов специальным оброком. В поместьи дворецкого Федора Скрыпицына крестьяне—рыбные ловцы оброку платят, которые на озеро Ильмень ходят рыбы ловить, с человека по 10 алтын.[1] Сосед дворецкого по волости Малгин Петр получал то же самое.[2] «Ходить ловить рыбу»—это технический термин для обозначения промыслового предприятия. Понятно, почему с этого промышленного населения помещики получают оброк деньгами. Близость Ильменя[3] и развитие рыболовного промысла на этом озере не могли оставаться без влияния на хозяйство населения. В Воскресенско-Важенском погосте крестьяне в двух поместьях давали своим помещикам в виде оброка между прочим и рыбу. Емельян Семенов сын Качалов получал «з двора по 2 сига». Быкову Никифору тоже с двора приносили по одному сигу. В Пиркинском погосте «митрополиту давали с невода по 10 сигов.[4]

Мы не можем сказать, в какой мере промысловое значение имела охота. В нынешней Олонецкой и Новгородской губерниях охота занимает в хозяйственной жизни населения видную роль, особенно в первой. Охотников-промышленников там насчитывалось в конце XIX века более 10.000 человек. Били главным образом белку и затем вообще пушного зверя. Весьма значительна охота на пернатую дичь. В Новгородской губернии особенно развита охота на зайцев.[5]

Если мы вспомним, что охота есть один из древнейших русских промыслов, что меха были известны русским людям всегда, то самый естественный вывод, который сам собою отсюда вытекает, это беспрерывность в существовании этого промысла от Гостомысла до наших дней. Следовательно, и в изучаемый нами период времени охота, несомненно, была одним из немаловажных промыслов населения. Софийские помещики только в очень ограниченном размере пользовались этим крестьянским занятием и налагали оброк исключительно зайцами. Ни одной беличьей шкурки, ни другого какого-либо меха мы не встретили в перечнях оброков ни разу. Заяц, может быть, в качестве

[1] А. К. А. К., л. 168

[2] Ibidem, л. 316.

[3] Ibidem, лл. 108, 178.

[4] Старый промысел, который на озере Ильмене дожил и до наших дней. На Ильмене и сейчас рыбным промыслом занимаются жители прибрежных селений и, особенно, на северо-западном берегу озера, называемом Паозерьем, начиная от села Спас-Пископцэ, лежащего в 10 верстах от Новгорода и до устья реки Шелони. Главный лов рыбы в озере Ильмене производится зимою подо льдом большими неводами, для промысла рыбаки собираются в товарищества-артели, каждая в 16 человек с «ватаманом» во главе. Для весеннего лова тоже складываются в товарищества. но уже меньше по числу участников. В. П. Семенов, Россия, т. III, стр. 158—159.

[5] В. П. Семенов, Россия, т. III, стр. 161—162.

пищевого продукта фигурирует часто в виде оброчной статьи. Обычно берут помещики «с двора по заецу», один раз зайцев помещик требовал «с человека», и три раза назначена была общая цифра зайцев на все поместье—по 5, 8, 13 штук. [1]

Необходимо отметить еще один значительный промысел, который сейчас считается одним из наиболее распространенных, да и встарину, надо думать, играл тоже немаловажную роль во всей системе хозяйства. Это так называемый «лесной промысел», который выражается в рубке леса, заготовке дров и других лесных материалов, в возке и сплаве их. У нас нет никаких данных для того, чтобы сказать, в какой обстановке протекали все эти лесные работы в XVI—XVII вв., но нам хорошо известно, что делом этим занимались софийские крестьяне. Старец Афанасий отметил нам 13 случаев, когда рубка, колка и возка дров входили в число оброчных обязанностей поместных крестьян. Обычно дрова доставляют помещику крестьяне с луков и всегда в одном и том же размере «с лука по сажени дров ручных». [2] Один раз то же количество дров помещик получал «з двора... дров по сажени». [3] В двух случаях помещики определяли общее количество дров, которое они хотели получить со своих крестьян,—5 и 8 саж. Один раз количество дров обозначено возами. [4] Лес доставлялся либо сухим путем, либо сплавлялся.

В целях полноты использования данных дозорной книги старца Афанасия укажем еще на несколько видов крестьянской работы, названных в книге. Стряпчему Меркурию Борзому крестьяне его Холынского поместья между прочим два дня в году возили в погреб лед.

Крестьяне в этой же волости в середине XVII века занимаются тем, что своему помещику Петру Малгину «вина курить и пива варить пособляют». [5] Помещик Иван Саблин от своих крестьян, кроме всякого более или менее обычного «сделья», требовал лошадей для отправки своего хлеба на продажу, «да он же, помещик, куды поедет в гости, емлет с собой крестьянских детей да держит у себя по недели и по две и по три». [6] Это первый и единственный случай эксплоатации детского труда.

Конечно, крестьянский труд как свободный, так и барщинный принимал более разнообразные виды, чем мы могли подметить в книге старца Афанасия. В этом отношении ни один перечень не может претендовать на полноту, так как в каждом месте при наличности своих особых условий, при

[1] А. К. А. К., № 56, лл. 29 об., 51 об., 60 об., 72 и др. 67 об. 218 об., 144, 150 об.
[2] Ibidem, № 56, л. 51 об. и др.
[3] Ibidem, л. 23 об.
[4] Ibidem, № 56, л. 260.
[5] Ibidem, № 56, л. 316 об.
[6] Ibidem, л. 242 об.

возможности широкой инициативы помещика вполне естественны своеобразные явления.

Перейдем теперь к специальному изучению форм эксплоатации крестьянского труда помещиками.

О наиболее распространенном способе эксплоатации софийских помещичьих крестьян говорить совсем не так легко, как может показаться с первого взгляда: совсем недостаточно, например, указать на факт почти поголовного распространения на крестьян барщинных обязанностей, так как тут же придется указать на существование рядом с барщиной оброков с ударением в смысле сравнительной обременительности двух видов эксплоатации именно на оброке. Поэтому придется в этом затруднении обратиться к цифрам, к которым необходимы комментарии, и только в заключение можно будет попытаться сделать некоторые выводы.

Из 58 описанных старцем Афанасием поместий в 33 крестьяне отбывали барщину, в одном случае вместо барщины давали помещику пятый сноп, в 13 случаях откупались от сделья деньгами. Об 11 поместьях у нас нет сведений по этому вопросу. Барщина, таким образом,—явление, самое распространенное в поместьях софийских детей боярских. Но она в то же время почти всегда является только одним из видов обязанностей крестьянина своему помещику, и естественно, конечно, что количественное содержание барщины обратно пропорционально тяжести другим видов крестьянских обязанностей. Самая тяжелая барщина, какую только приходилось встречать у софийских помещичьих крестьян, это работа на своего помещика каждый второй день, т.-е. трехдневная барщина, как мы привыкли ее называть. В случаях трехдневной барщины другие крестьянские повинности сводятся к minimum'у. Возьмем для иллюстрации поместье Дмитрия Саблина в Пречистенском Вымоченицком погосте. Его «крестьяна оброку платят помещику своему денег 2 алтына, да работают на помещика другой день».[1] Братья Дмитрия Саблина, поместья которых лежат рядом, все находятся в одинаковых отношениях к крестьянам: на Никифора Саблина крестьяне «оброку платят... денег 2 алтына, да делают на помещика другой день».[2] Два Петра Большой и Меньшой Саблины буквально повторяют то же самое.[3]

Трехдневную барщину, кроме перечисленных случаев, мы встречаем еще только один раз в Михайловском Гедевском погосте у помещика Ивана Яковлева сына Ракова. Здесь крестьяне «дают оброку денежного помещику своему на год 7 алтын да ржи 1½ чети овса, да онѣ же работают на помещика другой день».[4]

---

[1] А. К. А. К., № 56 л. 227 об.
[2] Ibidem, л. 223.
[3] Ibidem, лл. 230, 232 об
[4] Ibidem, л. 20.

Самая льготная барщина—это «шестой день», т.-е. один день в неделю. Мы встречаем ее в шести случаях, из коих 5 приходятся на Пиркинский погост.

Приведем для примера полностью перечень всех крестьянских платежей и повинностей при этой самой легкой барщине, и мы сейчас же увидим, чем компенсировал эту льготу помещик.

Рябинин Второй Федоров сын с 12 крестьянских дворов получал «денег 18 алтын, да ржи 2 чети, овса осьмину (т.-е. ½ чети), да масла з коровы 1½ гривенки, да с человека по заецу, да з двора по сыру, да мяса по лопатки, да дров с лука по сажени, да прядут по 20-ти пасом льну, да зделья делают шестой день».[1]

Во всех случаях легкой барщины мы увидим то же: легкая барщина покупалась ценою сложных повинностей в виде платежа денег и предоставления своим помещикам хлеба, мяса, зайцев, масла, сыров, льна, дров. В какой мере эти продукты и деньги соответствовали тому количеству рабочих дней, от которого они освобождали крестьянское население поместья, сказать точно нельзя, но думаю, что во всяком случае такой именно эквивалент устанавливался долгим опытом и выражал собой ту среднюю линию, тот предел, через который переходить ни в ту ни в другую стороны без затруднений было трудно. Самый распространенный вид барщины—это «четвертый день», таких случаев я насчитал 15.

Бросается в глаза, что операцию перевода на деньги крестьянских повинностей делают те помещики, которые не живут и не могут жить в своих поместьях. Отсюда, кажется, вытекает, что помещики вообще находили для себя более выгодным иметь дело непосредственно с трудом своих крестьян. Это отношение к крестьянскому труду сказывается, между прочим, и в переводах дворовых людей, холопов, в деревню на пашню, где холопов этих уже нельзя отличить от настоящих крестьян. Вот, например, «отпущен изъ двора кабальный человекъ на деревню во крестьяны».[2] У этого крестьянина 3 сына в 18, 12 и 5 лет и инвентарь—лошадь с жеребенком и не телившаяся корова. Хлеба—3 чети ржи и 2 чети овса. Он уже хозяйничает, высевает в одном поле ржи ¼ четверти, а в двух полях потому ж, косит сена 10 копен, т.-е. весной 1653 года старец Афанасий застал его уже настоящим крестьянином. Такова судьба всех отпущенных на пашню холопов.

В большинстве случаев старцу Афанасию приходится только констатировать факт перевода холопа на пашню, случившийся до его дозора.

Помещики, очевидно, находили этот перевод на пашню для себя выгодным, а формально утверждал такие переводы владыка,

[1] А. К. А. К., л. 67. об., 68.
[2] Ibidem, № 56, л. 222 об.

во введении к дозорной книге указана эта категория рабочего населения поместий: «выводные люди, которые выведены по святительскому указу, из дворов ис холопства от детей боярских». Без разрешения владыки помещик, вероятно, не всегда мог пересаживать своих холопов в крестьяне. По крайней мере, на такие мысли наводит следующий факт: у помещиков Саблиных в помещичьем дворе жили их холопы: «Ферапонтко Захарьев в 25 лет, да братья его Костянтинко в 17 лет, да Ивашко в 14 лет Захарьевы дети; да у Ферапонтка сын Евдокимко годовой; да их же племянник Федосейко Игнатьев в 9 лет. А дед их жил во крестьянех на деревни в Люговичах у часовни, а отец их Захарка родился у помещика во дворе, и потому ис холопства их вывести во крестьяны не смели без святительского указу». [1] Конечно, здесь случай более сложный, чем встречался обычно в практике софийских помещиков. Из этого текста как-будто бы вытекает, что только в данном случае помещик «не посмел» отпустить своего холопа, а в других он бы спокойно мог дерзнуть на подобное дело. Во всяком случае в книге несколько раз встречаются факты об освобождении холопов по указу владыки. В большинстве случаев по указу Новгородского владыки отпускаются на волю в деревню во крестьяне бывшие крестьяне же, попавшие к помещикам в холопство. О них обычно и говорится, что они отпущены на старые свои участки, если о бобылях, то прямо к бобылю такому-то, потому что у бобыля «участка» нет. Один из отпущенных назван даже бывшим «старинным» крестьянином. [2] Он глава многолюдной семьи—жена, четыре сына в 30, 20, 16 и 15 лет, дочь, две невестки. И он попал в холопство, из которого сейчас выходит. Таких отпущенных по «указу» владыки из холопства из помещичьих дворов старец Афанасий зафиксировал 23 мужчины и 28 женщин. [3] Здесь не подсчитаны те, кто был отпущен без владычного указа и до 1653 года. Все они, как видели мы, идут в деревню с намерением стать крестьянами.

Об этих отпущенных по указу книга старца Афанасия говорит так, что они «въ числе писаны... со крестьяны и с бобыли вместе безъ своих дворов». [4]

Естественно возникает вопрос о причинах, загнавших их в холопство и потом вернувших их в прежнее состояние. Разорение и обеднение в Смуту и в ближайшее время после нее не есть ли та основная причина, которая заставила многих даже старинных крестьян искать пристанища во дворах более обеспеченных или, вернее, более вооруженных необходимыми средствами для борьбы с нуждой помещиков? Другого

[1] А. К. А. К., № 56, лл. 245—246.
[2] Ibidem, л. 241 об.
[3] Осталось в холопстве мужчин, женщин и детей 99 человек.
[4] А. К. А. К, № 56, л. 318 об.

более простого и вероятного предположения нельзя придумать. Здесь кстати вспомнить слова боярского приговора о беглых 1606 года, «а не от самые бы нужи в холопы он (крестьянин) не пошел». [1] По миновании тяжелого периода острой хозяйственной разрухи является с одной стороны возможность вернуться к крестьянству, а с другой—хозяйственный интерес помещиков шел навстречу этой возможности. Начался процесс, конечно, значительно раньше, и, быть может, старцу Афанасию пришлось напутствовать на новую жизнь только запоздавших. Возрождение хозяйственной жизни в Софийском Доме после великого потрясения первой четверти XVII века шло решительным темпом. Как бы то ни было, факт заинтересованности помещиков в том, чтобы в их деревнях на земле сидело больше крестьян, предпочтение в этих целях крестьянина дворовому человеку, наконец, важность барщинного труда в системе эксплоатации трудового населения поместий не подлежат ни малейшему сомнению. Если вернуться к вопросу, поставленному выше, относительно сравнительного значения барщины и оброка, то придется подчеркнуть, что если барщина в смысле количества вкладываемого в нее крестьянского труда не доминирует над оброком, то с другой стороны среди хозяйничавших софийских помещиков только один пользовался натуральным оброком без барщинного труда своих крестьян, во всех остальных случаях рядом с натуральным оброком всегда мы видим и барщину. Только деньги имели способность делать ненужными и натуральный оброк и барщину: переводов этих повинностей на деньги мы имеем 13 случаев из 58.

Не лишним считаю обратить внимание на организацию помещичьих крестьян. Вот текст, который иллюстрирует положение. Помещик Иван Саблин получал со своих крестьян с поля «пятой сноп, да съ суков седьмой сноп, да съ лука 1½ гривенки масла, да з двора по заецу да по сыру, да с лука по сажени дров, да с убоины мяса по лопатки. Да оне ж все крестьяна на помещика своего сделья делают: сена косят неделю, да осенной пашни и дворовой поделки делают 10 дней, наземъ возят да суков секут неделю. Да он же, помещик, емлет з деревни, что на реке Шапше Палкино по 2 лошади, посылает на Олонец с хлебом продажнымъ. Да он же, помещик, куды поедет в гости, емлет с собою крестьянских детей да держит у себя по недели, и по две, и по три». [2] Тут мы сразу замечаем две раскладочные единицы—двор и лук. О дворе много распространяться не приходится. О луке необходимо сказать несколько слов, так как это не обычный лук. [3] Это особая организация. Вот у помещика Ушакова,

[1] А. А. Э., II, № 40.

[2] А. К. А. К., № 56, л. 242—242 об.

[3] О луке см. «Известия Академии Наук СССР», 1926 г. № 13—14, стр. 1230 - 34.

например, крестьяне организованы в 8 луков: с семи луков они платят своему помещику оброк в 1¾ рубля, «а с 8-го лука за страду и за оброк 1 рубль». С луков же идет и пряжа помещику «да прядут по 20 пасом с лука». [1] Отсюда и крестьяне, входящие в состав таких луков, называются «лучанами». У помещика Григория Саблина сошла, т.-е. открыто и законно вышла «бобылица Марьица Иларионова дочь съ сыномъ Никифорком да з дочерьми, Овдотицею да с Федосьицею, Никитины дѣти. А ныне живут у Петра Баранова во дворе въ лучанах». [2] Эту луковую организацию мы встречаем почти в каждом поместьи. Какая-либо из крестьянских повинностей непременно отбывается с лука. Чаще всего с луков крестьяне дают своим помещикам дрова. Следы ли это внутренней организаторской работы помещика, быть может, обычай, унаследованный от предков, или происхождение этих луков объясняется иным путем, во всяком случае государство здесь не при чем.

Хотя этот лук—не тот лук, который мы знаем в северных погостах, соответствующий обже, но во всяком случае он сделан по образу и подобию этого лука и обжи. Это тоже раскладочная и окладная единица, только очень небольшая по своему содержанию, предназначенная служить в небольших частных хозяйствах. Что он невелик, видно из того, что его приходится приблизительно сопоставлять или приравнивать к корове. Обычно крестьяне с каждой коровы платят или гривенку, или 1½ гривенки масла. Те же одна или 1½ гривенки масла берут помещики и с лука; [3] впрочем, 1½ же гривенки берут иногда с двора. Дрова по сажени берутся то с двора, то с лука. Этими примерами, я, конечно, не определяю объема лука, но все-таки даю некоторый масштаб для приблизительного уразумения этого лука. Бобылица Марьица и ее дети стали «лучанами», т.-е. вступили в частный договор с неким Петром Барановым, не софийским помещиком, и государство в их отношения не вмешивается.

Повидимому, та часть жалованной поместной грамоты, где в конце XVI века расширялись права помещика в вопросах обложения своих крестьян, находилась в полном соответствии с фактической обстановкой. Помещик конкретно проявлял свою инициативу в этом отношении. Все ли тут зависело от его усмотрения, или, быть может, от условий места, или некоторого соглашения со своими крестьянами, но мы действительно встречаем здесь полнейшее разнообразие: нет двух поместий тождественных ни в отношении качества и количества обложения, ни в способе его взимания, ни даже в единицах

[1] А. К. А. К., № 56, л. 29 об.
[2] Ibidem, л. 219.
[3] Ibidem. л. 242—242 об.

обложения. Разнообразие это, правда, факт, давно подмеченный не только для России, но и для Запада.

В заключение попробуем подвести некоторые итоги:

1. В течение XVI века помещичье и вотчинное хозяйства переживают одни и те же эволюционные этапы, что прежде всего выражается в одновременности появления собственной барской пашни со всеми вытекающими из этого следствиями.

2. В середине XVII века все помещики стараются жить у себя в усадьбах и вести свое хозяйство.

3. Точное определение размеров пашни как помещичьей, так и крестьянской по писцовым книгам невозможно потому, что понятия живущего и пустого в писцовых книгах очень относительны. Кроме официальной пашни, почти всегда имеется значительных размеров пашня неофициальная.

4. Помещики ведут хозяйство не только для собственного потребления, но и на сбыт.

5. Кроме крестьянского, бобыльского и холопского труда, применяется в помещичьих хозяйствах и наемный труд.

6. Крестьянское население в поместьях середины XVII в. мало дифференцировано. Средняя масса живет сравнительно обеспеченно, батрачество распространено мало.

7. Средняя населенность крестьянского двора рабочим мужским элементом выражается цифрой 2,2, вообще всем мужским—3,8.

8. Земледелие—главная отрасль хозяйства. Господствует трехполье, только в качестве подсобных форм можно наблюдать и подсечную-переложную. Удобрение, необходимое для севера условие трехполья, распространено везде.

9. Относительно скота в середине XVII века дело обстоит лучше, чем в конце XIX века.

10. Из подсобных промыслов имеются—пчеловодство, рыболовство, охота и лесное дело.

11. Барщина распространена, но она не уничтожила натуральных оброков, размеры коих обратно пропорциональны тяжести барщины.

12. Денежный и натуральный оброки существуют рядом. В некоторых случаях деньги целиком заменяют и барщину и натуральный оброк.

13. Заметна тенденция переводить холопов на пашню и превращать их в крестьян.

14. Крестьянские повинности по отношению к помещику весьма разнообразны как по содержанию, так и по формам выполнения. Заметно разнообразие в единицах раскладки повинностей.

15. Никаких определенных признаков, указывающих на хищнический характер помещичьего хозяйства, по сравнению с приемами вотчинного хозяйства ни в XVI ни XVII вв. наблюдать не приходилось.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР